

Система доминантной партии в Японии: некоторые уроки исторического опыта*

Д.В. Стрельцов

В статье рассмотрены особенности системы доминантной партии в Японии в период существования «системы 1955 года» (1955–1993). Особое внимание уделяется тем политическим технологиям, которые правящая Либерально-демократическая партия использовала для удержания своего господства при сохранении всех демократических процедур: методам электоральной политики; методам достижения консенсуса на основе внутрипартийного баланса сил с целью недопущения раскола; методам обновления имиджа партии путем смены руководства; технологиям внесения раскола в ряды оппозиции. По мнению автора, одной из причин устойчивости феномена доминантной партии в Японии является «зависимость от накатанного пути», которая воспроизводит общенациональную политическую модель в различных исторических обстоятельствах.

Ключевые слова: Либерально-демократическая партия Японии, «система 1955 года», система доминантной партии, электоральная стратегия, фракции, «партия-универмаг», «зависимость от накатанного пути».

Мировой опыт свидетельствует о большом многообразии моделей политической системы доминантной партии, в том числе и демократических странах, – достаточно посмотреть на политическую историю Италии, Мексики, Японии и др. За последние годы большое количество внутривнутриполитических кризисов в этих странах внесли эрозию в демократические институты и существенно ослабили общественную поддержку партий власти. Под вопросом оказалась способность системы доминантной партии обеспечивать эффективное правление. Какие-то элементы этой системы оказываются по-прежнему востребованными в нынешних условиях, какие-то, наоборот, уже архаичны и не отвечают современной повестке дня.

Одним из наиболее интересных и поучительных в этом отношении является опыт более чем полувекового господства Либерально-демократической партии Японии (ЛДП). В этой стране система доминантной партии продолжает действовать и сохранять свою актуальность и сегодня. Большой интерес вызывает вопрос о том, какой вклад внес феномен системы однопартийного господства ЛДП в общемировую теорию доминантных партий, каковы были

* Настоящая статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект 16-01-50085.

методики удержания ею власти, в чем поучительность исторического опыта «системы 1955 года» для современной политической теории.

Либерально-демократическая партия удерживала монопольную власть в Японии на протяжении 38 лет, с момента своего основания в ноябре 1955 г. вплоть до ухода в оппозицию в июне 1993 г. 34 года из этого срока она имела большинство в обеих палатах парламента, утратив его только в 1989 г., за четыре года до краха «системы 1955 года», когда большинство в верхней палате перешло к оппозиции. В похожих системах доминантной партии, которые сложились в демократических Швеции и Италии, правящие партии находились у власти без перерывов дольше, чем ЛДП, но не имели столь продолжительного периода абсолютного большинства в парламенте. В 1994 г., уже в постбиополярный период, ЛДП вновь вернулась к статусу правящей партии, хотя и в составе коалиционного правления, и удерживала этот статус вплоть до 2009 г., а затем вновь восстановила его в 2012 г. Более чем полувековой срок пребывания у власти приносит ЛДП лавры чемпиона по продолжительности правления одной партии в демократической стране – дольше, чем в Мексике, Индии, Швеции, Италии, Израиле и др.

Сразу после своего образования в 1955 г. ЛДП имела в парламенте подавляющее большинство – на первых своих выборах в нижнюю палату, прошедших в 1958 г., она получила там 298 из 512 депутатских мандатов, тогда как ее ближайший соперник – Социалистическая партия Японии (СПЯ) – только 131. Однако после этого ЛДП на протяжении нескольких десятилетий постепенно утрачивала позиции ведущей политической силы Японии. Согласно ежемесячным опросам телеграфного агентства Дзидзи цусин, уровень общественной поддержки ЛДП, которая являлась наиболее популярной партией страны, составлял в период с 1960 по 1993 г. в среднем 32,5 % (лишь однажды он превысил 50 %). В постбиополярный период этот показатель снизился еще больше (23,3 % в период 1993–2008 гг.) [6, р. 14]. Таким образом, даже в период расцвета «системы 1955 года» ЛДП не могла быть охарактеризована как партия популистского типа, черпающая свою власть в поддержке со стороны широких народных масс, более того, с течением времени партия постепенно и неуклонно утрачивала свою популярность в японском обществе.

Характерно, что количество поданных за ЛДП голосов на выборах в парламент на протяжении долгого времени практически не менялось. Однако за счет выхода на политическую арену многочисленного послевоенного поколения избирателей, многие из которых стали голосовать за оппозицию, относительный уровень поддержки ЛДП постепенно снижался. В 1967 г. на всеобщих выборах парламента она впервые не получила большинства голосов избирателей, принявших участие в голосовании. К числу убедительных побед ЛДП на выборах в парламент, позволяющих говорить о ее существенном преимуществе над оппозицией, можно отнести лишь триумф либерал-демократов на «двойных выборах» 1980 и 1986 г. – итоги прочих выборов можно оценить лишь как относительный успех.

В чем же заключается секрет поразительной устойчивости и столь долговременного характера однопартийного правления ЛДП? Считается, что доминантные партии представляют собой внутренне цельные и последовательные организации, способные не только удовлетворять потребности своих членов, но и обеспечивать внутреннюю

солидарность перед лицом различных вызовов, и, в первую очередь, связанных с активностью своих политических оппонентов (1, p. 108).

Характерные черты организации и элементов власти ЛДП достаточно хорошо изучены отечественными авторами [11, 12, 17, 21, 22]. Доминантный характер ЛДП как правящей партии обеспечивался ее умением сохранять легитимность своей власти, не прибегая к явно антидемократическим процедурам, но применяя для этого особые политические технологии. При этом актуальность таких специальных методов с течением времени только возрастала. Сами эти методы стали своеобразными ноу-хау партии, обогатившим мировую теорию доминантных партий и вызвавшим к себе пристальный исследовательский интерес.

В настоящей статье рассмотрены следующие виды политических технологий удержания власти:

- 1) методы электоральной политики;
- 2) методы сохранения плюрализма мнений, обеспечения консенсуса на основе баланса сил, недопущения раскола партии и ухода из нее одной из внутренних группировок;
- 3) методы обновления имиджа партии путем смены руководства;
- 4) методы взаимоотношений с политическими оппонентами, включая технологии внесения раскола в ряды оппозиции.

Итак, рассмотрим указанные методы по отдельности. В своей *электоральной политике* ЛДП, как правящая партия, в максимальной степени использовала те пропагандистские преимущества, которые давала ей благоприятная для Японии послевоенная экономическая конъюнктура. К числу ее составляющих можно отнести высокие темпы экономического роста, низкий уровень безработицы, никогда не превышавший 5 %, низкую инфляцию (за исключением периодов энергетических кризисов 1970-х годов), растущий профицит внешней торговли и т.д. Даже политическая коррупция и иные факты злоупотребления властью не могли поколебать «особых» отношений ЛДП с избирателями, которые получали ощутимые дивиденды от «японского экономического чуда» – рост личного благосостояния, отсутствие явных социальных контрастов, относительная стабильность в сфере найма и т.д.

Тем не менее, даже с учетом экономического фактора популярность ЛДП в обществе, как было отмечено выше, неуклонно снижалась. В 1960-е и, особенно, 1970-е годы все больше избирателей поддерживали на выборах иные партии, тем более что их выбор существенно дифференцировался: в дополнение к КПЯ и СПЯ в избирательных бюллетенях появились «партии третьего пути» в лице Партии демократического социализма (ПДС, основана в 1960 г.) и Комэйто (1964 г.). В связи с этим перед ЛДП остро встала задача одерживать победу на выборах, не имея неоспоримого преимущества перед прочими партиями по критерию популярности. Ответ на этот вызов со стороны ЛДП заключался в следующем.

- *опора на персональную ориентацию* японских избирателей, перенесение ответственности за ведение избирательных кампаний на уровень индивидуальных кандидатов с максимальным использованием функции ЛДП как «партии-франшизы»;
- в сельских округах и малых городах – *опора на «твердые голоса»* и их мобилизация с помощью «обществ поддержки»;

- в урбанизированных регионах – *опора на «средний класс»*, его мобилизация через различные профессиональные, корпоративные, любительские, местные и иные структуры, вовлечение этих структур в сферу клиентелистской политики.

Российскими авторами достаточно хорошо освещен вопрос об особенностях электорального поведения японских избирателей, основанного на голосовании за индивидуальных кандидатов, но не политические партии [14, 13, 15, 18, 19, 20]. Поскольку ЛДП сознательно отказалась от идеи построить свою электоральную стратегию на основе жестко очерченной политической платформы, на вооружение была взята концепция «партии-франшизы»: кандидаты лишь использовали партийный бренд, но не получали реальной финансовой и организационной поддержки от ЛДП и вели избирательные кампании самостоятельно. Эта тактика применялась практически с самых первых выборов с участием ЛДП, когда новая партия дала согласие на использование партийного знамени всеми кандидатами ранее конкурировавшими между собой Демократической и Либеральной партий, которые явились учредителями новой партии.

При этом для победы на выборах в нижнюю палату парламента умело использовались особенности основанной еще в 1925 г. системы *средних (полиномиальных) избирательных округов*, существовавших вплоть до 1994 г. В этих округах, от которых в нижнюю палату избиралось от 2 до 5 депутатов, наиболее ожесточенную борьбу между собой вели именно кандидаты от Либерально-демократической партии, выступавшие представителями различных ее фракций.

Нередки были случаи, когда в результате «перезаклада» (т.е. номинирования в одном округе чрезмерно большого количества кандидатов от ЛДП) кандидаты-конкуренты просто «топили» друг друга в результате разброса поданных за ЛДП голосов по разным кандидатам (этот феномен именуется на японском политическом сленге *томодаорэ*, т.е. «взаимная гибель»). Однако ЛДП все же чаще других партий выступала бенефициаром полиномиальности средних округов. При отсутствии каких-либо жестких партийных норм и правил, касающихся практики номинирования, и при отказе руководства ЛДП от выработки цельной и сбалансированной электоральной стратегии, в определении количества выдвижений в округе под знаменем ЛДП стихийно формировался оптимальный баланс, основанный на личных договоренностях между отдельными ее кандидатами (7, р. 311). От чрезмерной конкуренции их ограждали неписанные правила, имеющие корни в японской политической культуре: действующий депутат имеет однозначные преимущества перед «новичком»; представитель политического клана, ведущий борьбу за место, освободившееся в результате кончины или отставки своего родственника, имеет однозначно больше шансов победить на выборах, чем кандидат, подобных родственных связей не имеющий; вложивший больше средств в установление и укрепление личных связей с избирателями находится в выигрышном положении по отношению к тому, кто строит свою кампанию на использовании медиаресурсов и пропаганде своих политических взглядов (3, р. 137–170).

В свою очередь, в оппозицию система средних округов нередко вносила раскол. Левые и центристские партии (СПЯ, КПЯ, Комэйто, Партия демократического социализма) во многих случаях не могли точно обозначить те округа, где выдвижение кандидатов сулило им шансы на победу (во всех без исключения округах свою кандидатуру по традиции всегда

выставляли лишь коммунисты), в результате чего протестные голоса сгорали, не принося оппозиции дополнительных мест в парламенте. А там, где выдвижение все же проводилось, левые партии часто не могли договориться между собой и выставить общего кандидата, который мог бы конкурировать с консерваторами. О реальной координации всеми оппозиционными партиями электоральных действий «против ЛДП» стало возможным говорить лишь с 2016 г., когда одним из субъектов такой координации на выборах в палату советников впервые стала КПЯ.

Для поддержания своей власти ЛДП умело использовала особенности электорального районирования, предоставлявшие избирательным округам, которые охватывали сельские районы, а также небольшие города и поселки, существенные преимущества по отношению к округам, расположенным в крупных городах. Это было связано с тем, что население сельских округов в 1960–1980-е гг. в результате миграции сокращалось, тогда как границы округов оставались практически неизменными, в результате чего голос сельского избирателя оказывался существенно более весомым, чем городского (иными словами, чтобы победить на выборах, нужно было заручиться поддержкой в два раза меньшего числа голосов) [19]. По этой причине ЛДП была непропорционально сильно представлена в сельских округах.

Именно в сельских округах личностный элемент избирательной политики ЛДП был наиболее эффективным: кандидаты ЛДП не только имели хорошие отношения с местной элитой, но и поддерживали персональные контакты с рядовыми избирателями. Фактически вся «работа с электоратом» представляла собой череду визитов на свадьбы, похороны, юбилеи и памятные церемонии [4]. Суть этой практики может быть охарактеризована следующей фразой: политик должен иметь в кармане пиджака два галстука – светлый и черный, чтобы, не переодеваясь, со свадьбы сразу можно было прибыть на поминки.

Ключевую роль в обеспечении связей с избирателями, особенно в малых городах и поселках, играли *коэнкай* («общества поддержки») – персональные электоральные организации кандидатов, в состав которых входили как рядовые граждане, так и представители местной элиты. «Общества поддержки», представляя собой своего рода сетевые сообщества, выступали также в качестве посредников в деле установления рядовыми избирателями контактов с политиками и в качестве выразителя политических интересов отдельных групп избирателей. Главную роль в подобных структурах поддержки играли представители малого и среднего бизнеса: владельцы небольших магазинов, ресторанов и иных предприятий сферы обслуживания, руководители почтовых отделений, то есть те, кто имел рутинные контакты с жителями округа. Именно с помощью «обществ поддержки» политики оказывались в курсе всех значимых для рядовых избирателей событий в округе, именно через эти организации политики направляли избирателям послания, подарки и т.д., тем самым устанавливая со своими избирателями неформальные отношения взаимного доверия и взаимных обязательств. Такие сетевые сообщества сложились практически во всех жилых районах Японии, за исключением крупных многоквартирных комплексов в спальнях районах и престижных пригородных районов, где проживала высокооплачиваемая прослойка общества [9, p. 95].

Таким образом, для японской политической традиции был исключительно важен микроуровень политического участия, которые обеспечивался практикой персональных

взаимоотношений избирателей с политическим миром. При этом нелогичная для Запада конкуренция представителей одной политической силы в избирательном округе ни в коей мере не подрывала общее доверие избирателей к партии власти. Имидж партии не страдал, так как избиратели делали выбор на основе не партийных, а персональных пристрастий.

Однако поскольку делать ставку исключительно на «твердые голоса» по мере разворачивания урбанизационных процессов оказывалось недостаточным для гарантированной победы на выборах в общенациональном масштабе, ЛДП стала искать дополнительную опору за пределами традиционных групп поддержки. Начиная с 1970-х годов ей пришлось переориентировать усилия на привлечение сконцентрированного в городах «среднего класса», который гораздо труднее поддается традиционным методам электорального манипулирования (5). И хотя фокус электоральных усилий ЛДП по-прежнему был сосредоточен на сельских округах, в крупных городах ей приходилось в большей степени использовать профильные методы клиентелистской политики, призванные мобилизовать те влиятельные корпоративные и общественные структуры, которые были способны принести ей существенную поддержку на выборах.

Ставка на клиентелизм приводила к поляризации общественных сил по признаку включенности (или невключенности) в его орбиту: те организации, которые не поддерживали ЛДП, оказывались практически полностью лишены бенефиций со стороны партии власти и, таким образом, переключались в своих электоральных пристрастиях на оппозиционный лагерь. Например, это касается мощных профсоюзных объединений, являющихся материнской базой для партий левой ориентации.

В других же случаях ЛДП удавалось перетянуть на свою сторону некоторые мощные структуры, в том числе и те, что ранее выступали ее оппонентами. Так, если в довоенный период аграрные движения, опирающиеся, прежде всего, на фермеров-арендаторов, служили социальной базой левых сил, ЛДП с помощью протекционистской политики смогла превратить их в стабильный источник «твердых голосов», практически полностью вытеснив социалистов из сельского электорального поля. Другим примером является строительная индустрия, в которой клиентелистская политика расцвела особенно пышным цветом. Направляя огромные общественные ресурсы на реализацию общественных работ (и в первую очередь в сфере инфраструктурного строительства), которые подпитывали местные строительные компании, влиятельные депутаты ЛДП получали от них хорошие откаты в виде политических пожертвований и одновременно могли рассчитывать на услуги по мобилизации голосов избирателей.

Следует учесть, что многие малоэффективные общественные проекты и иные проявления клиентелизма однозначно ассоциировались в общественном сознании с политической коррупцией, «загниванием» системы однопартийного господства ЛДП и т.д. Критика практики разбазаривания общественного богатства звучала с самых разных трибун и, безусловно, служила для политической оппозиции стандартным поводом для нападок на партию власти. Против строительства крупных дамб на горных реках, дорог и тоннелей, проходивших через парковую или заповедную зону, т.е. расточительных проектов, таивших к тому же огромные риски для окружающей среды, выступали многочисленные общественные организации, особенно в экологической сфере. Это в конечно счете

подрывало в глазах японских избирателей доверие к ЛДП как правящей партии. Однако парадокс заключался в том, что кандидаты от ЛДП, политика которой не пользовалась популярностью на общенациональном уровне, неизменно побеждали на выборах в местных округах, поскольку именно этим конкретным округам общественные работы приносили благосостояние.

Привлечение корпоративного сектора к решению задач электоральной политики получило особый размах в период правления кабинета К. Танака (1972–1974). На выборах в верхнюю палату парламента в 1974 г. К. Танака взял на вооружение электоральную стратегию *кигэгуруми* – политику финансовой и организационной опоры на крупные корпорации и социальные структуры. В результате ЛДП удалось добиться поддержки на выборах со стороны таких разномастных и отличающихся по своему профилю организаций, как дистрибуционные центры автоконцерна Тойота, корпорация Хитати, Силы самообороны Японии, Ассоциация семей жертв войны, профессиональные ассоциации медсестер, дантистов, шеф-поваров, Ассоциация любителей оперы и т.д. На выборах в нижнюю палату 1977 г. ЛДП впервые предпринимает попытки привлечь на свою сторону религиозные организации (общества синто и буддистские храмы), которые в дальнейшем стали влиятельной базой поддержки как для ЛДП в целом, так и для отдельных ее кандидатов [6, р. 18].

Заметим, что избиратели, входившие в подобные структуры электоральной мобилизации, совершенно не обязательно искренне поддерживали ЛДП. Их электоральное поведение стало основываться на выборе меньшего из двух зол: поддержать «нелюбимую» партию, обеспечивающую «трофеями» в виде преференциальных проектов с бюджетным финансированием, или проголосовать «по зову сердца» против, но оказаться при этом полностью исключенным из бенефициарной сферы государственного патронажа. Как отмечал С.Рид, клиентелистская политика ЛДП заставляла голосовать за нее на выборах даже ее оппонентов, которые были вынуждены считаться с перспективой утраты доступа к государственным ресурсам в случае победы оппозиции. По его мнению, у многих были даже основания опасаться, что отказ от поддержки ЛДП может повлечь за собой «возмездие» со стороны правительства (8, р. 359). Иными словами, поддержка партии власти в регионах во многих случаях носила условный характер и была оборотной стороной безальтернативного характера системы правления ЛДП.

Следующим секретом длительного правления ЛДП явились до предела отточенные методики недопущения раскола и поддержания единства партийных рядов. Следует учесть, что по своему характеру ЛДП с самого начала создавалась как партия-конгломерат, объединившая в своих рядах представителей различных идеологических течений консервативной ориентации. ЛДП была учреждена в 1955 г. в ответ на реальную угрозу прихода к власти левых сил (объединившихся в единую партию правых и левых социалистов) и состояла из двух различных в идеологическом отношении партий: проамериканской Либеральной, проповедовавшей идеи западной либеральной демократии, и более националистической Демократической, стоявшей за «японские ценности» и отрицавшей характерные для США крайние проявления рыночного фундаментализма. Внутренняя структура ЛДП была изначально построена на основе деления партии на

фракции, состоявшие из депутатов обеих палат парламента и обладавшие значительной финансовой, кадрово-организационной и даже идейно-политической автономией.

Фракции были неформальными организациями, не имевшими ни официальной регистрации, ни собственных нормативных документов. В разное время в ЛДП насчитывалось от 5 до 12 фракций, во главе которых стояли наиболее влиятельные и опытные политики, обладавшие наибольшим внутрипартийным стажем. Самая крупная из таких фракций (так называемая суперфракция, появившаяся во времена правления К.Танака), насчитывала около 150 депутатов, самая мелкая – всего несколько членов. Именно межфракционные соглашения лежали в основе всех крупных кадровых решений внутри ЛДП. Фракции давали своим рядовым членам определенные перспективы кадрового роста внутри партии, обеспечивали их финансовыми и иными ресурсами для проведения избирательных кампаний, участвовали в принятии важнейших кадровых решений, включая определение председателя партии.

При этом если в 1950–1960-е гг. в партии сформировалась своего рода внутренняя биполярность, основанная на противостоянии фракций «основного» и «антиосновного» течений, то в 1970-е годы партия стала управляться в основном одной, наиболее многочисленной «суперфракцией», без согласия которой не принималось ни одного значимого решения.

Фракции жестко конкурировали между собой за «трофеи» в виде постов в кабинете министров и высшей партийной номенклатуре, они же перетягивали канат, стараясь привлечь к себе новых членов лучшими кадровыми и электоральными перспективами. И хотя реальный вес того или иного партийного лидера находился в прямой зависимости от численности возглавляемой им фракции, неуклонно соблюдавшиеся принципы ротации предоставляли всем без исключения лидерам фракций реальный шанс встать во главе партии. В целом стоит отметить, что только в условиях фракционной системы алгоритмы смены руководства могли быть успешными: лидеры противоборствующих внутрипартийных группировок сменяли друг друга у власти в строго установленном порядке согласно «очереди во власть».

Вместе с тем доступ к различным «благам» в виде кадровых назначений напрямую зависел от общего успеха ЛДП на выборах, что в свою очередь заставляло фракции активно сотрудничать между собой и ограничивало проявления чрезмерного накала соперничества.

Помимо фракций, в ЛДП существовали депутатские группы, специализировавшиеся на определенной области государственного управления – строительстве, сельском хозяйстве, науке и образовании, международных отношениях в целом и отношениях с отдельными странами, в частности. Эти группы, получившие название *дзоку* (кланы), концентрировались в секциях Совета по политическим вопросам ЛДП – основного партийного органа, занимающегося выработкой политического курса в определенной области.

Помимо *дзоку*, в ЛДП существовали также многочисленные «группы давления», занимавшиеся лоббированием в партийных и правительственных органах определенных решений, отвечающих интересам конкретных экономических и политических кругов. В 1980-е годы именно деятельность этих групп подготовила многие судьбоносные решения, определившие развитие японской экономики на десятилетия вперед – налоговую реформу,

либерализацию сельскохозяйственного рынка, дерегулирование и т.д. Следует учесть, что политические и экономические профили различных внутрипартийных группировок, отражавших интересы огромного спектра социальных слоев, были настолько многообразными, что достижение внутрипартийного консенсуса оказывалось делом исключительно сложным, если не сказать почти невозможным [9, p. 99].

В условиях существования фракционной системы, групп давления и иных внутрипартийных группировок единственным способом сохранения единства партии являлись методы сглаживания конфликтности и достижения компромиссов. Важнейшим методом сохранения единства партии было неуклонное следование *принципу консенсуса* при принятии политических решений, цель которого заключалась в том, чтобы не допустить раскола партии. Если единства мнений в случае конфликтных ситуаций и даже расхождений во мнениях достичь не удавалось, решение откладывалось на потом, а если требовалось срочное решение, выбирался наиболее компромиссный вариант, в котором противоречия были по возможности заретушированы.

Этим, в частности, объясняется то обстоятельство, что ЛДП за многие десятилетия своего однопартийного правления так и не удалось внести в парламент вопрос об отмене пресловутой 9-й статьи японской Конституции, хотя дискуссия на эту тему никогда не прекращалась. Первый случай, когда правило консенсуса было открыто проигнорировано, относится уже к постбиполярному периоду: в 2005 г. председатель ЛДП Дз. Коидзуми не остановился перед изгнанием из рядов партии тех 33 «ренегатов», которые выступили против законопроекта о приватизации почтовой корпорации.

Результатом применения «правила консенсуса» явилась чрезмерная абстрактность и общий характер подавляющего большинства решений ЛДП. Неконкретность формулировок характеризовала практически все программные документы ЛДП. По большинству вопросов повестки дня ЛДП предпочитала вообще не занимать определенной позиции, либо занимать такую позицию, которая бы не ни у кого не вызывала возражений (по принципу «лучше быть богатым и здоровым, чем бедным и больным»), спуская неприятную обязанность по принятию конкретных решений на неполитический (бюрократический) уровень. В результате у внутрипартийных группировок было не много поводов покинуть партию, выступавшую в качестве «универмага» с широчайшим выбором «товаров» на любой вкус. Лишь однажды ЛДП не удалось избежать раскола: в 1976 г. из партии вышли пять депутатов нижней и один депутат верхней палаты парламента, которые основали Новый либеральный клуб (НЛК), просуществовавший в качестве независимой партии до 1986 года.

Таким образом, важным составляющим того наследия, которое оставила японская система доминантной партии для мировой политической науки, явилась уникальная способность ЛДП держать под контролем широкий спектр внутренних конфликтов, связанных с многообразием интересов полуинституционализированных и неформальных внутрипартийных фракций и группировок. В партии всегда существовал широкий плюрализм мнений, дававший основания охарактеризовать ее в качестве «универсальной» (catch-all party) [9, p. 98].

Важным методом сохранения своего господства ЛДП выступали *механизмы смены лидеров* – регулярные отставки премьер-министров и реформирование состава кабинетов

министров. За 38 лет правления период правления кабинета министров в среднем составлял полтора года, премьер-министра – два с половиной года.

В период однопартийной власти ЛДП социологические опросы демонстрировали относительно низкий уровень рейтингов премьер-министра (в среднем 36 % в период с июня 1960 до апреля 2006 г.) [2, р. 348] Уровень поддержки ЛДП был еще ниже, чем рейтинг премьера, опускаясь до минимума в период коррупционных скандалов 1970-х гг. и в период конца 1980-х – начала 1990-х гг.

При этом связь между рейтингами поддержки партии и премьер-министра была односторонней: рейтинги ЛДП являлись производными от рейтингов премьер-министра, но не наоборот. Отправляя председателя партии в отставку, ЛДП сохраняла свое реноме в глазах избирателей: уходящий премьер уносил с собой все плохое, что ассоциировалось с правлением его кабинета, а облик партии как бы «обновлялся» с приходом нового лидера. Б. Бурден ввел в оборот понятие «стратегической калибровки», под которой понимает практику смены лидеров, применяемую в тех случаях, когда их имидж наносит ущерб имиджу партии [2, р. 346].

Непосредственных причин для смены лидера могло быть несколько: неудовлетворительные для ЛДП итоги выборов в нижнюю или верхнюю палаты парламента, существенное падение рейтингов партии в зеркале опросов общественного мнения, коррупционные и иные скандалы, затрагивающие лично главу кабинета и его отдельных членов, наконец, неспособность администрации провести через парламент законодательную программу, инициированную кабинетом министров.

В любом случае, главным в мотивации решения о переизбрании председателя ЛДП был риск репутационных потерь для партии, особенно нежелательных накануне предстоящих парламентских выборов. Именно страх перед такими потерями вызвал применение жестких дисциплинарных мер в отношении «короля» японской политики первой половины 1970-х годов К. Танака, который, «погорев» в 1974 г. на злоупотреблениях с недвижимостью, был изгнан из партийных рядов, даже несмотря на свой статус лидера крупнейшей партийной фракции. Другой пример связан со скоротечностью правления летом 1989 г. кабинета С. Уно по причине скандала вокруг его связей с гейшей. Во всех подобных случаях руководство ЛДП исходило из того, что позор партийного лидера косвенно будет распространяться на всю партию, а, следовательно, и на всех ее членов, больно ударяя по их перспективам переизбрания.

Относительная легкость, с которой ЛДП применяла метод смены лидера, была помимо всего прочего связана с тем обстоятельством, что в период действия «системы 1955 года» председателем ЛДП становился политик, не имевший большой личной харизмы и не пользовавшийся особой популярностью в обществе. Система номинации партийного руководства была заточена на то, чтобы продвигать на высшие посты политиков аппаратного типа, имеющих в первую очередь способности к закулисной интриге и опирающихся на поддержку своей фракции (т.е. части депутатского корпуса ЛДП), но никак не партийных масс в целом, не говоря уж о широких слоях японского общества. Отсеву лидеров популистского типа способствовала и фракционная система, в рамках которой существовала «очередь во власть», а политики, апеллировавшие к массам, воспринимались как «смутьяны»,

«высочки», «нарушители правил». Главным при высших кадровых назначениях было правило баланса сил внутри партии, который с приходом к власти популистской фигуры рисковал быть нарушенным.

Вместе с тем было важно, чтобы новый лидер не имел в своем послужном списке каких-либо существенных компрометирующих фактов – это позволяло позиционировать его как новое, «незапятнанное» лицо партии. Так, в 1960 г. выдвижение малоизвестного до этого Х. Икэда, выдвинувшего план удвоения национального дохода, позволило отвлечь внимание от непопулярной темы договора безопасности и защиты конституции и в конечном счете принесло ЛДП победу на выборах. Примечательным было избрание на высший партийный пост после коррупционных скандалов «чистых» Т. Мики в 1974 г. и Т. Кайфу в 1989 г.

Первым лидером популистского типа, которого система вознесла на политический Олимп, был Я. Накасонэ, который продемонстрировал на посту председателя партии в 1982–1987 гг. «президентский» стиль правления. Проведенные им, во многом в режиме ручного управления, административно-финансовая и пенсионная реформы встретили позитивный отклик в японском обществе, что немедленно сказалось и на популярности ЛДП в целом. Это позволило Я. Накасонэ с блеском провести «двойные выборы» 1986 года, которые принесли ЛДП ошеломительную победу и заставили партийное руководство в нарушение партийного устава предоставить председателю дополнительный год полномочий. Однако после ухода Я. Накасонэ в отставку порядок избрания лидера, основанный на межфракционном балансе сил, был восстановлен.

Следует отметить, что технологии «баланса сил» и неприятие волевого, харизматического начала в системе номинации партийных лидеров стали давать сбои с 2000-х годов, когда ЛДП столкнулась с серьезным кризисом, связанным с утратой доверия в глазах общества. Первым председателем, рискнувшим дать решительный бой устоявшейся системе, был Дз. Коидзуми, который черпал источники своей легитимности в поддержке партийных масс, сделав упор на личную харизму. Уместно вспомнить, что Дз. Коидзуми был избран на пост председателя в 2001 г. голосами не депутатов парламента, а представителей местных партийных организаций. Ставку на популизм начал делать и С. Абэ, который хотя и был вознесен в 2012 г. (на свой второй срок) на высший партийный пост традиционными методами межфракционных договоренностей, продемонстрировал свою склонность к авторитарному стилю управления, апеллирующему к народным массам и игнорирующему устоявшуюся практику внутрипартийного плюрализма.

Что касается смены кабинета министров, то она практиковалась даже чаще, чем замена партийного лидера. Премьер переформировывал персональный состав кабинета в случае его низкого рейтинга (особенно если этот рейтинг оказывался ниже рейтинга самой ЛДП) при инициировании нового политического курса, когда важно было продемонстрировать обществу «покаяние» в связи с критикой за прошлые неудачи, либо в случае необходимости замены некоторых наиболее одиозных фигур в его составе. Вместе с тем следует учесть, что смена премьер-министра выступала более действенным средством «обновления» власти в глазах избирателей, нежели перетряска кабинета, которая была рутинным, а, следовательно, и менее эффективным методом правления.

Можно заключить, что методология смены партийных лидеров работала на основе инстинкта самосохранения партии. В рядах ЛДП превалировало негласное понимание того, что лучше избавиться от своего председателя и членов кабинета, но сохранить «лицо партии» и обезопасить дальнейшую политическую карьеру ее членов. В глазах же общества приход к партийному руководству новых политических фигур был эквивалентен «смене власти» и воспринимался позитивно, порождая определенные надежды на лучшее. Не случайно в первый год правления новой администрации, сформированной той же самой партией, рейтинги кабинета министров и его главы были существенно выше, чем у правительства, ушедшего ранее в отставку. Через некоторое время эти рейтинги начинали падать, пока не доходили до той отметки, когда кабинет или сам премьер уходили в отставку, и на их смену приходили уже другие партийные функционеры. Таким образом, технологии регулярной смены партийного руководства служили целям удержания однопартийного господства ЛДП.

Важным методом поддержания монопольной власти ЛДП являлись *технологии раскола оппозиции*, недопущения ее консолидации на основе противостояния партии власти. Из мирового опыта хорошо известно, что доминантные партии в демократических странах чаще всего не имеют большинства голосов на выборах, но эффективно используют противоречия в лагере своих противников.

ЛДП утратила абсолютное большинство голосов в свою пользу еще в 1967 г., что значило одно: объединившись, оппозиция при желании имела возможность лишить ЛДП власти. Однако, несмотря на определенные шаги, предпринимавшиеся оппозиционными партиями для налаживания координации с начала 1970-х годов, либерал-демократы продолжали сохранять свою монополию на власть на протяжении еще более двух десятилетий.

Одним из эффективных методов раскола оппозиции было внесение в электоральную повестку дня значимых вопросов международно-политического или идеологического характера, и прежде всего в сферах обороны и национальной безопасности, где противоречия между самими оппозиционными (левыми и центристскими) партиями проявлялись сильнее, чем между левыми и консервативными силами. Так, внесенный в 1990 г. в парламент законопроект о миротворческой деятельности эффективно развел по разные стороны баррикад СПЯ, выступившую против «наступления на конституцию», и ПДС, стоявшую на более прагматических позициях. И хотя законопроект, вызвавший неоднозначную реакцию в японском обществе, привел к определенному снижению популярности ЛДП, он, тем не менее, существенно укрепил ее внутривнутриполитические позиции. В более поздний период распри в стане оппозиции вызывали внесенные ЛДП в парламентскую повестку дня вопросы о вступлении Японии в Транстихоокеанское партнерство, о будущем атомной энергетики, об использовании права на коллективную самооборону и т. д.

Другим эффективным методом раскола оппозиции явилось *проведение одновременных выборов в палату советников и палату представителей* путем роспуска нижней палаты и приурочивания всеобщих выборов ко дню выборов в верхнюю палату. ЛДП за всю свою историю дважды успешно использовала эту тактику – в 1980 и 1986 г. В обычных условиях оппозиционные партии нередко проводили согласование электоральной политики на основе

противостояния ЛДП: например, Комэйто и ПДС взаимно договаривались о том, чтобы не выставлять своих кандидатов в тех округах, где у партнера имеются лучшие шансы на избрание. Однако если выборы, проводившиеся по разным правилам и процедурам, проходили одновременно в обе палаты, любая подобная договоренность оказывалась слишком сложной и фактически неосуществимой, поскольку одни и те же партии выступали на одних выборах партнерами, а на других – соперниками.

Введение в 1994 г. смешанной системы выборов в нижнюю палату, в которой значительная часть мест (300 из 475) выбирается в малых (мажоритарных) округах, еще больше осложнило перспективы электоральных договоренностей оппозиции. Однако о том, что такие договоренности все же возможны, свидетельствует опыт выборов в палату советников 2016 г., в ходе которых в координации действий против ЛДП впервые приняли участие коммунисты.

Следующий метод удержания власти заключался в том, чтобы держать дверь открытой для *блокирования с другими партиями* в рамках правящей коалиции. Так, в 1983 г. ЛДП блокировалась с Новым либеральным клубом (правда, этот союз был недолговечным по причине скорого самороспуска НЛК). Особенно эта тактика оказалась востребованной после 1993 г., когда ЛДП утратила способность в одиночку поддерживать стабильное большинство в нижней палате парламента. В 1994 г. ЛДП заключила соглашение со своим заклятым врагом Социалистической партией Японии, пригласив ее в коалицию и даже посулив пост премьер-министра, а также с небольшой партией Сакигакэ. В результате кабинет министров в течение почти полутора лет (с июня 1994 по январь 1996 г.) возглавлял социалист Т. Мураяма. В дальнейшем практика блокирования стала рутинной: в 1999 г. ЛДП поддерживала союз с Либеральной партией, а затем – с партией Комэйто, в коалиции с которой она находилась у власти в 1999–2009 гг. и с 2012 г. по настоящее время.

Еще одним методом была для ЛДП практика *приема в партийные ряды победивших на выборах «независимых» депутатов*. Первым случаем ее применения явились выборы в нижнюю палату 1976 г., на которых ЛДП утратила большинство в нижней палате парламента. В партию были немедленно приняты «независимые» депутаты, что позволило ей сохранить статус правящей. После этого подобная практика применялась неоднократно после неудачных выборов, в частности, в 1979 и 1983 г. Уже в 2000 г. в ряды ЛДП были приняты бывшие депутаты Партии новых рубежей, прекратившей свое существование двумя годами ранее, а в 2006 г., уже после ухода Дз. Коидзуми в отставку с поста председателя, – «рenegаты» из числа противников почтового законопроекта (это было сделано даже несмотря на крайне негативное отношение к данному шагу со стороны общественного мнения).

Таким образом, отдельные депутаты, будь они в ЛДП или вне ее, в реальности никогда не испытывали страха перед необратимым изгнанием из партийных рядов, которое бы поставило крест на их политической карьере. Они могли спокойно номинироваться в качестве независимых кандидатов или даже кандидатов от партии-конкурента, если по каким-то причинам (например, когда в округе не было вакансий от ЛДП) не могли заручиться официальной поддержкой либерал-демократов. Победа на выборах автоматически давала им реальную возможность без лишних вопросов вступить в правящую партию в соответствии с откровенно циничным партийным лозунгом: «Если Вы победили –

Вы ЛДП!» Для самих же депутатов переход в ЛДП давал неоспоримые преимущества: находиться в рядах правящей партии всегда выгоднее, чем оставаться в оппозиции, поскольку дает больше возможностей воздействовать на политику и, соответственно, иметь рычагов воздействия на электорат.

Анализ практики комплексного применения рассмотренных указанных методов удержания власти дает основания заключить, что ЛДП на протяжении всего своего правления представляла собой «пластилиновую» партию, способную принимать любые формы в соответствии с требованиями политической конъюнктуры. Применяемые в отношении ЛДП термины «больница общего профиля», «партия-универмаг», «партия-амёба» и т.д. скрывают за собой отсутствие у нее политической сердцевины, ее идеологическую всеядность и рыхлость, видимую беспринципность ее политической линии.

Ставка исключительно на прагматизм стала играть над ЛДП злую шутку с начала 2000-х годов, когда в японском обществе усилилось разочарование указанными негативными чертами партии на фоне общего кризиса доверия к политической сфере. Тем не менее, феномен доминантной партии фактически сохранился и после вступления Японии в эпоху коалиционных правительств в середине 1990-х годов, а после 2012 г., на фоне массового разочарования единственной реальной альтернативой ЛДП в лице Демократической партии, итоги недолгого правления которой оказались в глазах большинства японцев более чем плачевными. Этот феномен вновь приобрел очертания системной характеристики японской политической модели. По мнению британского японоведа Дж. Стоквина, одной из причин устойчивости феномена доминантной партии в Японии является так называемая зависимость от накатанного пути (*path dependence*), которая воспроизводит определенные стереотипы как на уровне общенациональной политической модели, так и на уровне политики в конкретной области, например, в области военного сотрудничества с США [10, p. 486].

Список литературы

1. *Browne E. & Kim Sunwoong*. Factional rivals and electoral competition in a dominant party: Inside Japan's Liberal Democratic Party, 1958–1990 // *European Journal of Political Research*. 2003. Vol.42. P. 107–134.
2. *Burden B*. Economic accountability and strategic calibration: The case of Japan's Liberal Democratic Party// *Party Politics*. 2013. Vol. 21(3). P. 346–356.
3. *Curtis J*. *The Logic of Japanese Politics. Leaders, Institutions and the Limits of Change*. New York, 1999.
4. *Curtis J*. *Election Campaigning – Japanese style*. Columbia University Pb., 1971.
5. *Duverger M*. *Political Parties*. New York, 1963.
6. *Reed S*. The Liberal Democratic Party. An explanation of its successes and failures // *The Routledge Handbook of Japanese Politics*. Ed. By Alisa Gaunder. London and New York, 2011. P. 14–23.
7. *Reed S*. Party strategy or candidate strategy. How Does the LDP Run the Right Number of Candidates in Japan's Multi-Member Districts? // *Party Politics*. 2009. Vol. 15. (3). P. 295–314.

8. *Reed S., Scheiner Ethan, and Thies Michael F.* The End of LDP Dominance and the Rise of Party-Oriented Politics // *Japan Journal of Japanese Studies*. 2012. Vol. 38 (2).
9. *Richardson B. and Patterson D.* Political traditions and political change: The Significance of Postwar Japanese Politics for Political Science. *Annual Review of Political Science*. 2001. Vol. 4. P. 93–115.
10. *Stockwin Arthur A.* Has changing the party in power in Japan made a real difference? // *Japan Forum*. 2012. No 24 (4). P. 471–489.
11. *Латышев И.А.* Правящая Либерально-демократическая партия Японии и её политика. М., 1967.
12. *Макаров А.А.* Политическая власть в Японии. М., 1988.
13. *Молодякова Э.В.* Практика проведения избирательных кампаний в Японии // *Японский опыт для российских реформ*. 1995. № 6. С.70–78.
14. *Молодякова Э.В.* Избирательная система Японии // *Японский опыт для российских реформ*. 1998. № 3. С. 45–54.
15. *Молодякова Э.В., Маркарян С.Б.* Японская демократия // *Япония без предвзятости*. М., 2003. С. 91–104.
16. *Павленко П.А.* Либерально-демократическая партия Японии в политической системе современной Японии (1955–2001). М., 2006.
17. *Сенаторов А.И.* Политические партии Японии (1945–1992). М., 1995.
18. *Сенаторов А.И.* Избирательная система: законы, практика, проблема обновления. Япония 1993. М., 1994. С. 21–34.
19. *Стрельцов Д.В.* Избирательная реформа в современной Японии // *Восток (Oriens)*. 2012. №4. С. 62–70.
20. *Стрельцов Д.В.* Избирательная система: первые уроки реформы. Япония 1998–99. М., 1999. С. 47–65.
21. *Стрельцов Д.В.* Япония: политическая модернизация эпохи Хэйсэй. М., 2013.
22. *Цветова И.А.* Эволюция современной партийно-политической системы Японии. М., 2003.

Поступила в редакцию 01.09.2016

Автор:

Стрельцов Дмитрий Викторович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой востоковедения Московского государственного института международных отношений (университет) МИД РФ, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: dmstrl@gmail.com

The System of Dominant Party in Japan: Some Lessons from Historical Experience

D.V. Streltsov

The article describes the characteristics of Japan's dominant party during the period of the "1955 system" (1955-1993). Special attention is drawn to the political technologies used by the ruling Liberal Democratic party in order to retain its dominance while maintaining all democratic procedures, including methods of electoral policies, methods of achieving consensus on the basis of an intra-party balance, image-making technologies by changing the party leadership, technologies of splitting the ranks of the opposition. The author concludes that one of the reasons for the resilience of Japan's dominant party phenomenon is "path dependence", which reproduces the nationwide political model in various historical circumstances.

Keywords: Liberal Democratic Party of Japan, "1955 system", dominant party system, electoral strategy, factions, "catch-all party", "path dependence".

Author:

Streltsov Dmitry V., Doctor of Sciences (History), Professor, Head of the Department of Oriental Studies, Moscow State Institute of International Relations (University), Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation, Leading Researcher of the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences. E-mail: dmstrl@gmail.com